

# Екатерина Балабан ИДОЛ



Екатерина Балабан

**Идол**

«Автор»

2026

**Балабан Е. А.**

Идол / Е. А. Балабан — «Автор», 2026

Юлька потеряла мужа Якоба три года назад в Норвегии. С тех пор она живёт словно во сне, и вдруг, в зимнем лесу встречается с ним снова. Якоб изменился, стал чужим и странным. Он зовёт её за собой — в лес, в метель, в никуда. Она готова идти за ним. Ведь без него мир стал серым и бессмысленным. Игнат сбежал в глушь от собственного прошлого. Он работает на турбазе простым разнорабочим и больше никогда не хочет никого любить. Но однажды он спасает из оврага девушку, и тогда его заледеневшее сердце наполняется весенним теплом. Между Юлькой и Игнатом — пропасть в три года, страшная авария и один призрак, который не хочет уступать в борьбе за любовь. Сказка о том, как согреть того, кто отчаялся, и поверить в чудо, когда кажется, что всё потеряно. Чтобы обрести будущее, героям придётся сразиться с тем, чего не может быть.

© Балабан Е. А., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

1. Овраг	5
2. Кофейня	7
3. Байка	8
4. Странник	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

# Екатерина Балабан

## Идол

### 1. Овраг

– Прочь! – услышала девушка злой голос, попятилась, но задним ходом на лыжах далеко ли убежишь?

Якоб яростно толкнул ее в плечо. Юлька оступилась, потеряла равновесие. Хрупкая наледь над оврагом стала рушиться под ногами, проваливаясь, осыпаться. Лыжи сами собой поехали вбок и вниз, увлекая лыжницу за собой. Она испугаться не успела, как полетела в глубокий овраг на частокол кустарника. Счастье, что рыхлый снег смягчил падение, а хрупкие ветки поломались под ее весом.

Мужчина замер наверху, широко опершись на расставленные лыжные палки. Словно загораживал Юльке путь назад. Острые козырьки черных лыж зависли над провалом. Глаза яркие, с рыжими крапинами, насмешливо и непримиримо сверкали сквозь снежные взвихрения.

Юлька задохнулась от боли на несколько отвратительных мгновений. Собралась с силами, выпутала из белого плена ноги, руки, палки, лыжи – благо все осталось целое. Села и расплакалась. Вспомнила, как он ее однажды из снега вытаскивал, как смеялся вместе с нею и говорил что-то хорошее. Неужели она ему и в самом деле больше не нужна? Разве бывает так, чтобы много лет тепло и весело, а потом НЕ НУЖНА! СОВСЕМ!

Он смотрел, как она плачет, не двигался и молчал. Наверное, наслаждался содеянным. Юлька видела сквозь снег и слезы, как расплывается и дрожит рельефная, подтянутая фигура, облеченная в спортивный, красный, как свежая кровь комбинезон.

Оглушительный рык мотора, новое облако сверкающей пурги, и на краю оврага затормозил снегоход.

– Все хорошо, красавица? Цела?

Якоб пропал, словно его сдуло сизым выхлопом. Вместо Якоба на Юльку из седла снегохода тревожно смотрел румяный мужик в овчинном тулупе, мохнатой шапке-ушанке и валенках.

Девушка попыталась взять себя в руки. Нечего перед чужими дядьками слезы проливать. Крикнула:

– Все хорошо. Сейчас выберусь!

Стала копошиться под отвесным склоном, ломая новые ветки, взбивая снег, но ни на сантиметр не продвигаясь вверх.

Мужик, не вылезая из седла, достал откуда-то толстую веревку, кинул ей.

– Держи! Вытащу.

Она ухватилась, наплевав на гордость. Овраг не поддавался, лыжи не отстегивались, палки норовили заново запутаться в кустах.

– Вот баба дура! Чего тебя понесло в этакую глушь? – сердито пыхнул спасатель, на Юлю, перевалившуюся через наледь и упавшую без сил у его ног, – Охоться тут за вами, заблудшими! Тебя на базе-то не проинструктировали разве? Куды можно, куды нет? А кабы волки? А кабы я твой след не углядел?

Юлька не помнила, чтобы ее особенно инструктировали, когда она с вечера трассой интересовалась. Направление только показали, велели лыжни держаться. Так она и держалась.

– Как же! Рассказывай тут! – отозвался на ее оправдания мужик, – По целине ведь в ельник-то ушла! Чего тебе там? Медом мазано? Али бриллиантами сыпано?

– Я не одна пошла! – возмутилась Юлька, – С мужчиной. Он спортсмен настоящий, мне путь проторил.

– В самом деле? – мужик посмотрел на нее с сомнением и некоторой жалостью, – И где он, хахаль твой спортивный? Убег на вертолете? Что-то я никого больше не примечаю и навстречу мне никто не попадался. Может там же, в овражке копошится? – мужик демонстративно, дугой изогнулся, чтобы еще разок обозреть пустой овраг, – Волки съели?

Крохотная лесная полянка хранила морозную тишину. Юлька не знала где Якоб. Не понимала почему так непростительно жесток с нею. Оглянулась и увидела высокие, вековые ели, санный путь, перекрывший лыжню, проклятый овраг и белые нетронутые снега со всех остальных сторон. Слева, под деревьями, ей показалось стоит кто-то. Уже хотела демонстративно указать туда мужику со снегохода, но вдруг осознала, что это высокий, в человеческий рост заснеженный пень. Издалека и в самом деле за человека принять можно. Сучки в стороны торчат, будто руки, раскинутые, на лыжные палки опираются.

– Не хахаль он! – Юлька была не на шутку расстроена, – Муж мой, понятно? Поссорились мы. Он обратно убежал, а я в овражек съехала ненароком. И вы не кричите на меня, будто право имеете! Вот за помощь спасибо. Теперь я справлюсь! По следу из лесу выйду.

Сильный порыв ветра внезапно пронесся по верхушкам ельника, заставив лес загудеть тяжело и беспокойно. Мужик на снегоходе насторожился, поднял голову к небу, наблюдая, как с веток валится потревоженный снег. Пол минуты, наверное, зависал так на вдохе, потом выдохнул, выругался смачно.

– Сымай лыжи. Сзади садись! – приказал Юльке, – Скорее давай!

– Я сама! – она упрямо отступила подальше от странно-взволнованного спасателя, – Тут идти час всего до базы.

– Как тебя величать-то? – поинтересовался тот неожиданно.

– Юлией, – ответила она, – Юлией Сергеевной.

– Я Игнат, – представился спасатель и тут же рыкнул напористо:

– Вот что, Юлия Сергеевна! Щас никакого следа тут не будет! Буран идет. Все переметет. Садись, говорю, если не хочешь на веки вечные в лесу остаться.

## 2. Кофейня

Неподалеку от большого областного центра, на опушке старого соснового бора, где воздух терпко пахнет хвоей и тишиной, возле шустрой, живописной речки стоит-постаивает «Калинов приют» – с жаркими банями, уютными номерами, уединенными флигельками, и смехом довольных гостей на свежем воздухе. Летом здесь в чести рыбалка, катание на лодках, грибы, ягоды, а зимой санки, коньки и лыжи.

По рассказам старожилов и скудной информации из Интернета, до прошлого века в центральном корпусе дома отдыха на самом деле располагался приют для сырых и убогих, организованный очень богатым, набожным, щедрым на благотворительность помещиком. При Совет-тах, приют стал санаторием, областного масштаба, и уж потом, когда Союз распался, опять сделался «приютом», только против прежнего, никакой благотворительности тут больше не предвиделось. Теперь это был некий гибрид между туристической базой и презентабельным курортом.

Игнат выбирал наугад. Просто ткнул пальцем в первый понравившийся, не слишком дорогой отель, расположенный в холмистой местности. Ему сильно хотелось сбежать от городской суетности, от неразрешимости собственных проблем, от боли, от чужой навязчивой глупости и от излишней любви тоже. Хотелось на природу – к деревьям, к снегу. Туда, где можно на лыжах на пол дня в лес, а потом другие пол дня спать, не просыпаясь. И чтобы никого из знакомых, и, желательно, никакой связи с внешним миром.

Две недели он так и делал. Катался с рассвета до темноты по полям и лесам, обедал и падал от усталости до следующего утра без снов. Природы, к которой всей душой стремился, ни разу не рассмотрел в подробностях. Зато притупилась боль, зато карие глаза перестали сниться по ночам и мучить невозможностью. Когда пришла пора уезжать, вдруг понял, что ему мало, что так нельзя, что морозное королевство, куда он волей случая попал, целительно действует на его нервы и покидать его – преступление против себя.

На базе требовались рабочие. Ничего особенного. Починить сломанную дверь, кран, раковину. Почистить после снегопада трассу, стволы, упавшие, убрать-попилить, дров для бани наколоть, лыжню, новую, по свежачку проложить. Денег много не предлагали, но Игнат взял и остался. Уж как его на заводе уговаривали, ругали, стыдили, грозили и после сулили поднять зарплату! Он уперто забрал документы, сдал однушку в городе и оформился в «Калинов приют». Три года прошло – ни разу не пожалел. Воздух, хвойные леса, поля, необозримые, стали его новым домом и спасением от горючей беды.

### 3. Байка

Вечером, после смены, ознаменовавшейся вытаскиванием сумасшедшей лыжницы из оврага, Игнат засел в маленькой, уютной кофейне, расположенной на берегу ледяной речки. Летом кофейня обслуживала местный пляж. Зимой принимала уставших после активной прогулки лыжников, так как именно около нее завершались все туристические маршруты. Кофе здесь был потрясающим, также, как и вид, открывающийся из высоких окон на заснеженные заречные просторы. (Время научило Игната заново видеть, чувствовать, слышать... и верить, что однажды все снова будет хорошо.)

Буран не буран, как он пообещал лыжнице, но снег валит густо. След в лесу, и в самом деле, должен был быстро потеряться. Под фонарем над крыльцом, метались крупные хлопья, что тебе бабочки.

За стойкой молодой, белобрысый бариста Ванька перемывал посуду, готовясь заканчивать смену, пел под нос новогоднюю «Аббу», очень чисто и правильно. С улицы в помещение нырнул дед Федор Филиппыч, которого все деревенские величали просто Дедом, за изрядный возраст. Смел с бороды и с форменной куртки охранника лишнюю седину, приветственно помачал Игнату, попросил баристу налить чаю. Ванька, не переставая петь, вытащил простую кружку с изображением снежных вершин, бросил пакетик с душистыми травами, залил кипятком. Высыпал из коробки печенье на блюдечко.

– Странник-то, слышь, опять сегодня катался, – вкусно прихлебнув из чашки, заговорщическим шепотом сообщил дед парню, покосившись с опаской на Игната, – Семеныч группу за Березову кручу водил. Душ семь. Все, как один, видели.

Парень словно загорелся изнутри вниманием, петь бросил, перегнулся к деду через стойку.

– Что, правда? Неужто видели? И как?

– Ну Семеныч-то не растерялся, – ответил дед значительно, словно это он сам не растерялся, – Сказал, местные развлекаются. Интересничают. И по-быстрому увел туристов в сторону от греха.

Парень покачал головой, по-настоящему переживая событие. Заметил, взглянув на окно:

– Вона от чего снег так валит. Страшно!

– Ага! – согласился голосом из триллера дед, – Теперя жди метелей на неделю... Любит Он в метель-то, искать себе соперника.

– Эй Дед! – недовольно бросил Игнат, прерывая разговор, – Будет молодежь Странником своим баламутить. У нас что, мало настоящих спортсменов катается? И метели без потусторонних сил никогда не бывает, да? Мало ли кого Семеныч с туристами углядел?

Игнат терпеть не мог дурацкую байку, ходившую по окрестностям с непонятно каких времен. Скучающие туристы и деревенские бабки очень даже верили и боялись, а ему было противно.

– А ты не сумлевайся! – обернулся к Игнату Дед, – Семеныч не дурак! Понимает, где настоящий спортсмен, а где душа чужеродная. Что ты, как Фома неверующий, все сумлеваешься и сумлеваешься! Вот уж сам попадешься ему на пути, посмотрим тогда, как и кого я тут баламучу.

– Я по вашим лесам и полям четвертую зиму катаюсь. Поболе тебя, Дед. И ни разу...

– Не зарекайся, Игнатушка! – дед погрозил крючковатым пальцем, глянул так, что будь на месте Игната впечатлительная дева – упала бы в обморок от суеверного ужаса.

Игнат не был девой и не упал. Пуще рассердился только и может быть наговорил Деду всякого в сердцах, но в этот момент в кофейне появился новый персонаж – крупный муж-

чина, лет этак пятидесяти с хвостиком, в ярком, теплом комбинезоне и куртке нараспашку. На небритом лице здоровый румянец. Глаза довольно блестят. Громко поздоровался со всеми.

– О! Семеныч! Ты тут как тут! – дед нарочито тепло, přátельски толкнулся с мужчиной плечами, чувствуя, что сейчас вместе они переселят сердитого Игната, – Как там наш Странник?

– А что Странник? – усмехнулся Семеныч, знаком показывая баристе Ваньке подать чаю, – Все поспешает к финишу. Туристов всерьез напужал!

– Напужал-таки, – воскликнул довольный Ванька. Его, в отличие от Игната, байка явно вдохновляла, не вызывая суеверного ужаса, который нет-нет вспыхивал в глазах Деда.

Семеныч кивнул:

– Он же, как дьявол, с черного уступа сорвался и прямо по целине, там, где по колено насыпано, широко, шибко пошел! Да нет! Полетел прямо, как этот, как его... экраноплан! Вот! В группе моей все лыжники со стажем. Понимают, что невозможно по неподготовленной трассе так идти. А он шел. Ну я сказал, есть умельцы, могут над снегом, когда надо, на охотничьих.

– Поверили?

– Поди ж я знаю! Может кто и поверил. Сверху-то не особенно разглядишь чищено внизу или замечено. Может решили, что у нас там трасса есть? А! Самое занятное забыл! За ним девчонка какая-то увязалась. Тоже хорошо бежала, словно глубины снега не чувствовала. Я подивился даже, как это у нее так ловко выходит.

– Девчонка-то настоящая? – охнул дед, и бариста охнул ему в поддержку.

– Поди ж я знаю! – пожал плечами Семеныч, – Если не вникать, так и Странник с виду настоящий.

– Плохо! – нахмурился Дед, – Нельзя за Странником бегать. Уведет, заведет, покрасуется и... Где та девчонка? Эх! – махнул расстроено рукой, – Ты б Семеныч, не туристам глаза отводил, им-то от погляденок ничего не сделается, а за девчонкой поспешал, да ее кататься со Странником отговаривал!

– Все с ней замечательно, Дед, – улыбнулся Семеныч и перевел хитрый взгляд на Игната, – Было за ней кому приглядеть. Вон Игнатушка ее из сугробов на снегоходе выволок. Спас, стало быть, от силы потусторонней.

– Я? – удивился Игнат, тут же вспомнил свою лыжницу из овражка. Это она что ли за «силой потусторонней» увязалась? Буркнул:

– И ты туда же, Матвей! Вы же все современные люди, а в призраков верите! Девчонка с мужем каталась по непробитым тропам, вот вам и весь «Странник»!

И ему хорошо так стало от того, что он чужие бредни разрушил.

Из темного уголка кофейни внезапно материализовалась (по-другому не скажешь) маленькая женщина. Глаза-плошки, волосы светлые, длинные, лохматые, свитерок, под горло, и брючки, спортивные, утепленные. Сунулась к стойке, втерлась между Семенычем и Дедом, взглянула на одного, потом на другого.

– Что еще за странник? – спросила настойчиво и тревожно.

## 4. Странник

– Бродит по нашим краям одна байка. Верить ли не верить, тут дело каждого. Только у березовой кручи в вечерних или утренних сумерках лыжник появляется необыкновенный. Из морозных искр оформляется, на гору взбирается, рукой машет и с горы устремляется вниз, в поворот на ельник. Летит без дороги, поверх снега, а позади него поземка змеится. Ежели солнышко его на пути застает – он словно струйка пара тает в ярком ледяном сверкании. Ежели свет едва через облака пробивается, лыжник тот в самый ельник уходит, и там его тень меж стволов долго мелькает. А потом, через время, пурга налетает. Воеет, беснуется, деревья гнет. Вот как теперь.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.